Комсорг Алексей Зуев

После нескольких дней упорных боев стрелковый полк под командованием М. И. Хромозина подходил к берегам реки Оболь. Небольшая, но глубокая, с обрывистыми берегами, поросшими кустарником, Оболь являлась серьезной преградой. Попытка преодолеть ее с ходу не увенчалась успехом. Фашисты укрепили берег, подступы к реке обстреливались пулеметным огнем. Первой форсировать Оболь было поручено стрелковой роте лейтенанта Василия Карпенко.

Приближался вечер. Вырвавшись вперед, рота стала продвигаться к берегу. Однако подойти вплотную к реке не удалось. Враг встретил бойцов интенсивным пулеметным огнем, а затем из кустов вышли три танка и тоже открыли огонь. Пехотинцы залегли.

Когда надвинулись сумерки, враг контратаковал. Рота Карпенко отразила натиск противника, но через ее боевые порядки в тыл просочились отдельные группы гитлеровцев. Теперь противник был впереди и сзади. Другие подразделения полка, ведя бой, задержались где-то на подступах к реке. А губительный огонь врага не ослабевал. Зная, что вот-вот должна подойти подмога, Карпенко решил ударить по берегу.

Бойцам роты нужно было пробежать полторы-две сотни метров открытой поляны и редкого сосняка. Затем, ворвавшись в заросли кустарника, захватить траншеи врага на этом берегу. Захватить... Но как это сделать, если фашисты посылали в нашу сторону дождь свинца?

На участке, где один взвод глубже других вклинился во вражескую оборону,— здесь кустарник был погуще, что облегчало маскировку,— появился лейтенант Зуев, находившийся вместе с ротой Карпенко. Алеша Зуев, любимец 353-го стрелкового полка, комсомольский вожак батальона. Стройный, немного застенчивый юноша с умными, выразительными глазами и чуть заметной улыбкой на губах... Приподнявшись в траншее, Зуев внимательно оглядел поляну и понял: опасность большая, но медлить никак нельзя.

Карпенко подал сигнал атаки. Зуев первым поднялся и, громко крикнув: «Ком-сомо-льцы, за мно-о-о-й!», побежал вперед. За ним бросились десятки солдат.

Фашисты усилили огонь: из мелколесья застрочили пулеметы, на поляне загрохотали разрывы мин. Но это не остановило атакующих. Они бежали вперед, падали под огнем, прятались от пуль в густой траве и снова поднимались для броска. Теперь река совсем близко — только преодолеть бы эти кусты ивняка.

Вот уже отдельные группы смельчаков приблизились к кустарнику. Карпенко надеялся, что еще один рывок — и рота достигнет окопов врага. В этот момент навстречу вышло еще два танка, они вели на ходу пулеметный огонь. Это внесло замешательство. Солдаты залегли. Огонь был очень плотным. Продвигаться вперед стало невозможно. Но и лежать здесь так, незащищенными, тоже было опасно. Карпенко передал по цепи: «Окапываться». Но стоило чуть поднять голову или руку с саперной лопаткой — фашисты усиливали огонь. Прижатая к земле рота казалась беспомощной. И все же лейтенант чувствовал: наступил момент, когда успех зависел от стремительного броска вперед. Может быть, от порыва одного человека. Требовалась искорка, ее кому-то надо было зажечь. Но как вывести бойцов из оцепенения, в котором они сейчас находились? Для того, чтобы подняться сейчас, нужна огромная сила воли, величайшее усилие. Может быть, даже самопожертвование. Только решительность и мужество, стремительный, яростный бросок могли спасти положение.

В этот момент к лейтенанту Карпенко подполз Зуев.

— Я посоветовался с комсомольцами в цепи... Поднимутся!.. Давай сигнал атаки!..— проговорил Алексей прерывистым голосом, обтирая рукавом гимнастерки катившийся с лица пот.

— Молодец, Алеша,— взволнованно сказал командир роты.— Спасибо...— Карпенко дружески положил руку на плечо комсоргу. Он хорошо понимал, каких трудов стоило ему проползти десятки метров по луговине, где простреливалась каждая пядь земли.

— Мы с тобой поднимемся,— говорил лейтенант,— но этого мало. Надо, чтобы кто-нибудь еще из солдат, из младших командиров. Это поможет, понимаешь?..

— Младший лейтенант Проскурин, сержанты Перкин, Ершов... Я говорил с ними,— ответил Зуев.

Карпенко отлично знал этих храбрых и толковых командиров.

Впереди, совсем уже близко, полз вражеский танк. Алексей хорошо видел слева у орудийной башни пулемет, изрыгающий огонь. Чуть подними голову — и смерть... Но ждать было нельзя.

Он пополз в сторону. А через несколько мгновений, чуть приподнявшись, взмахнул левой рукой и звонким голосом крикнул:

— Товарищи... впе-е-ре-е-д!..

Комсорг рванулся к кустарнику. Словно электрический ток прошел по цепи, вскользнул солдат. Зашевелились, задвигались пехотинцы, но продолжали лежать...

А Зуев бежал. Один... По спине Карпенко забегали мурашки. «Неужели не выйдет?.. Не может этого быть! Поднимутся. Должны подняться...»,— лихорадочно думал он.

Две, три, а может быть, и пять секунд Зуев бежал один. Совсем близко застрочил немецкий пулемет. Теперь поднялся Карпенко. Он быстро огляделся и громко прокричал:

— Перкин, Ершов, за мной!

Впереди, не обращая внимания на пули, с пистолетом в руке бежал комсорг стрелкового батальона. Какая-то влекущая сила исходила от этого человека, она звала вперед. Пригнувшись, стремительно бежал за ним Карпенко. Он уже чувствовал, что они с Зуевым не одни: десятки солдат бежали

за ними... Совсем близко сержанты Перкин и Ершов, ефрейтор Разумный. И много, много других.

Все яснее слышался топот ног. Вот кто-то уже обогнал его. Потом еще двое очутились впереди. И еще...

За спиной заговорили «максимы». Зуев обрадовался: «Свои это. Пулеметная рота поддерживает. Хорошо... Очень хорошо!.. Короткими перебежками, падая в траву, когда противник усиливал огонь, и снова быстро поднимаясь, Алексей добежал до кустарника.

Вот и река. Могучее русское «ура» слилось с очередями автоматов. Пехота шла в атаку. Грохнула кем-то удачно брошенная граната. Раздался второй, третий взрыв. Запылал танк, а другой, с перебитой гусеницей, заюлил на месте. Остальные танки скрылись в кустарнике.

Рота, а за ней и подошедший стрелковый батальон вышли к Оболи. Гитлеровцы стали поспешно отходить вдоль берега. В голове батальона рота Карпенко преследовала врага. В том месте, где излучина реки уходила в сторону, на пути лежала сожженная деревня Захарово. Она была опорным пунктом вражеской обороны. Нужно было срочно провести разведку.

Лейтенанты Зуев и Карпенко быстро сориентировались по карте: изучили подступы к деревне и определили выгодное место для переправы. Рота продвигалась дальше. На берегу среди деревьев показался полуразрушенный дом. Когда солдаты приблизились к зданию, с чердака полетели гранаты. Сильно контуженный, Карпенко упал на землю. Зуев приказал двум бойцам отнести командира в кустарник. Сам решил уничтожить засевших на чердаке гитлеровцев.

Зуев ползком незаметно подобрался к дому с противоположной стороны. С гранатой в руке он выскочил из-за угла. Над ним в раскрытой двери чердака у пулемета сидел фашист. Гитлеровец рассматривал в бинокль кусты, где шла рукопашная схватка. Он, видимо, выискивал для себя цели.

Алексей не стал мешкать: одна за другой на чердак полетели две гранаты. Путь открыт. Медлить нельзя. До изгиба реки оставалось несколько десятков метров. С высокого берега, поросшего кустами, в бинокль хорошо просматривалась огневая система вражеской обороны на противоположном берегу.

Карпенко стало совсем плохо, он не мог больше руководить боем. И комсорг принял решение.

— Слушай мою команду! — крикнул Зуев. Солдаты, повинуясь, насторожились. Лейтенант разбил роту на две группы и повел их к реке через кустарник. Продвигаясь вперед, воины натолкнулись на дзот. Он стоял, спрятанный в густом бурьяне у самой реки. Это была последняя огневая точка врага на правом берегу. В амбразуре полыхнули огненные вспышки, раздался дробный стук, и над головой засвистели пули. Солдаты снова залегли...

До дзота оставалось метров пятьдесят, не больше. Впереди — трава, высокая, густая. И Зуев решил. Условным сигналом он вызвал к себе младшего лейтенанта Проскурина:

— Дзот надо заставить замолчать. Возьми сам ручной пулемет и трех хороших стрелков. Прикроешь. Я поползу...

Проскурин даже растерялся:

— Зачем же тебе? Лучше я попробую...

— Не пробовать надо, а наверняка,— строго возразил лейтенант.— Прикрывай, говорю...

Командир взвода лег за пулемет. По бокам — три бойца, они открыли огонь. А Зуев пополз. Десятки глаз напряженно следили за храбрецом. Пятнадцать... десять шагов осталось... Алексей сполз в немецкий окоп и увидел противотанковую гранату, оставленную на бруствере. Комсорг осмотрел гранату: большая, круглая, вроде все в порядке. Недолго думая, он проверил запал, приподнялся и швырнул ее, а сам бросился на дно окопа. Оглушительный взрыв потряс воздух...

— Приготовиться! — раздалась команда.

Зуев сел на землю, быстро разулся. Заткнул сапоги за ремень. Пистолет и комсомольский билет положил в пилотку.

— За мной, товарищи! — громко прокричал лейтенант и, пробежав несколько метров, первым прыгнул с обрыва. Ловко выбрасывая вперед руки, комсорг поплыл к противоположному берегу. За офицером, подняв в одной руке автоматы, плыли солдаты.

Все это произошло очень быстро и неожиданно для немцев. Короткая жаркая схватка на том берегу — и враг не выдержал, побежал... Рота захватила плацдарм. Показывая пример личной храбрости, Зуев уничтожил несколько вражеских солдат. Вскоре подошли батальоны, началась переправа основных сил наступающего полка.

Вскоре из политотдела 6-й гвардейской армии на передовую прислали листовки. Их украшал портрет лейтенанта Зуева. В листовке рассказывалось о подвигах героя. В те дни поэт Алексей Сурков находился на фронте. Он написал стихотворение «Герой-

комсомолец». Стихи были посвящены комсомольскому вожаку, который сквозь огонь вел солдат к победе, и были напечатаны на обратной стороне листовки. *Ф. А. Третьяков.*